

Независимо от того, кем был этот человек, Дуаньму Цин не испытывал ни малейшего страха перед ним. Он тут же вызвал тайных стражей, чтобы те схватили его и отправили к Шэнь Наню.

Как только тайные стражи готовы были появиться, вошел Девятнадцатый. Он подошел к Дуаньму Цину и с любопытством спросил:

— Разве не Шэнь Гунцзы должен был прийти? Где он?

Затем он посмотрел на Лин Чэня, и его взгляд наполнился отвращением:

— Почему он здесь?

Лин Чэнь встал рядом с Девятнадцатым, развел руки в стороны и с беспечным видом сказал:

— Я пришел навестить тебя, но посмотри на него — только увидел меня, как сразу захотел ударить. А я ведь ничего не сделал.

Его голос звучал невинно, он мастерски разыгрывал спектакль.

Дуаньму Цин, глядя на Лин Чэня, стоящего рядом с Девятнадцатым, в первую очередь подумал: почему он такого же роста, как Девятнадцатый? Точь-в-точь! И даже форма лица похожа! Как он раньше этого не замечал?

Он резко оттолкнул Лин Чэня от Девятнадцатого, погладил его по голове и мягко сказал:

— Не обращай на него внимания, я позже все тебе расскажу.

Лин Чэнь достал приготовленное им целебное лекарство и бросил его Дуаньму Цину:

— Вот, это для Девятнадцатого.

Дуаньму Цин открыл флакон, понюхал и убедился, что это действительно хорошее лекарство, которое можно сравнить с тем, что дал Хань Лэн.

Сказав это, Лин Чэнь тут же развернулся и побежал, быстрее зайца, опасаясь, что Дуаньму Цин схватит его. Но перед тем как уйти, он не забыл напомнить Девятнадцатому:

— Он только что кашлял кровью. Может, ты посмотришь его раны?

Затем добавил:

— Я ничего не сделал Шэнь Бэю, он в полном порядке.

Тем временем Шэнь Бэй, спавший в Дворце Северного Ковша, внезапно чихнул и самодовольно сказал:

— Наверное, какая-то девушка тайно влюблена в меня и сейчас думает обо мне.

Девятнадцатый же сосредоточился на том, что Дуаньму Цин кашлял кровью:

— Хозяин, что с твоим здоровьем?

— Ничего, не слушай его бред. Если бы не то, что его лекарство действительно хорошее, я бы

отправил его к Шэнь Наню.

Сказав это, Дуаньму Цин снова слегка кашлянул, и во рту появился привкус крови.

Девятнадцатый обнял Дуаньму Цина за шею и прямо поцеловал его в губы. Дуаньму Цин не успел среагировать, и Девятнадцатый почувствовал вкус крови.

На самом деле, если бы это был кто-то другой, Дуаньму Цин не позволил бы ему даже приблизиться, не говоря уже о поцелуе, опасаясь, что тот будет убит мгновенно. Но с Девятнадцатым все было иначе.

Девятнадцатый углубил поцелуй. Он редко был так активен, но каждый раз, когда он проявлял инициативу, Дуаньму Цин радовался. Однако на этот раз все было иначе. Дуаньму Цин хотел оттолкнуть его, но боялся причинить боль. В этот момент Девятнадцатый сам отстранился.

Дуаньму Цин усадил его на стул, и Девятнадцатый, сидя у него на коленях, с упреком сказал:

— Хозяин, ты перевел на себя Гу Десяти Тысяч Насекомых и даже не сказал мне! И ты не ответил на мой поцелуй...

Его голос был полон обиды.

Дуаньму Цин снова кашлянул и с долей смирения ответил:

— Я просто не хотел, чтобы ты волновался. Это плохо для здоровья. Да и как я мог ответить на поцелуй, когда у меня во рту кровь?

Увидев, что выражение лица Девятнадцатого не улучшилось, он ласково сказал:

— Не сердись, хорошо?

Девятнадцатый слез с его колен:

— Что сказал Пятнадцатый?

— Нужно достаточно крови и тел, чтобы выманить насекомых.

Девятнадцатый взял чашку Дуаньму Цина и сделал глоток воды. После поцелуя он почувствовал жажду...

— На мой взгляд, нужно выбросить Шэнь Наня на кладбище и перевести на него насекомых, чтобы он тоже почувствовал боль.

Девятнадцатый еще не знал, что Шэнь Нань уже глубоко познал, что такое настоящая боль.

Дуаньму Цин ласково погладил щеку Девятнадцатого и сказал:

— Как скажешь.

В тот же вечер, чтобы убедиться, что Шэнь Бэй действительно в порядке, Дуаньму Цин отправил ему письмо, написанное так, что понять его могли только он сам, Шэнь Бэй и Хань Лэн. Конверт и бумага были особенные, и никто, кроме них троих, не мог их открыть.

На первый взгляд письмо было обычным приветствием, но на самом деле в нем говорилось о

том, как Лин Чэнь выдавал себя за Шэнь Бэя и обманывал людей в Башне Цинчэн.

Прочитав письмо, Шэнь Бэй пришел в ярость и со всей силы ударил по столу, разбив его вдребезги. Как он посмел выдавать себя за него? Разве Дворец Северного Ковша не имеет лица? Он тут же отправил людей схватить этого Лин Чэня, чтобы посмотреть, кто это такой наглец!

Отдав приказ, он тут же пожалел об этом. Он случайно разбил стол, и это был отличный стол из грушевого дерева! Конечно, столы в Башне Цинчэн прочнее, в прошлый раз он так сильно ударил, но стол не сломался!

Нет, нужно пойти к Дуаньму Цину и попросить несколько прочных столов. Хотя у него нет проблем с деньгами, но если можно сэкономить, то почему бы и нет?

Забрав из кладовой множество целебных лекарств, Шэнь Бэй направился в Башню Цинчэн.

Шэнь Нань лишился носа, ушей, глаз и языка. Все его кости были сломаны, и его не раз насиловали. Ему было хуже, чем мертвецу.

Каждый раз, когда Шэнь Нань думал, что вот-вот умрет, его лечили, а затем продолжали мучить. Такая жизнь была для него невыносимой.

Похоже было, что он дышал, но обычный человек не смог бы сказать, жив ли он. Но он был жив, едва держась за жизнь, потому что Дуаньму Цин не позволял ему умереть, но и не давал жить.

На следующий день после того, как Девятнадцатый предложил выбросить его на кладбище, Дуаньму Цин отправил его к Одиннадцатому и Пятнадцатому, чтобы те использовали его для испытания лекарств. Когда придет время, Гу Десяти Тысяч Насекомых переведут на него.

Девятнадцатый почти полностью выздоровел и находился на стадии восстановления. Он и Дуаньму Цин соревновались в армрестлинге, чтобы немного потренироваться.

По старым правилам, проигравший должен был поцеловать победителя. Учитывая прошлый опыт, Дуаньму Цин иногда поддавался, чтобы Девятнадцатый не проигрывал слишком сильно.

Девятнадцатый и Дуаньму Цин положили руки на каменный стол, сцепив их. Дуаньму Цин не прилагал слишком много усилий, боясь действительно причинить боль Девятнадцатому.

Поэтому у Девятнадцатого был шанс выиграть, и каждый раз он легко побеждал Дуаньму Цина. Выиграв несколько раз, он потерял интерес:

— Хозяин, ты слишком явно поддаешься! Ты даже не прикладываешь усилий. Это ведь тренировка для меня, а если ты не будешь напрягаться, как я смогу восстановиться?

Дуаньму Цин покорно кивнул:

— Хорошо.

Затем он действительно приложил немного усилий, и Девятнадцатый больше не мог его победить. Руки обоих находились в равновесии.

Дуаньму Цин держал руку в вертикальном положении, не прилагая излишних усилий, но и не позволяя Девятнадцатому победить. Девятнадцатый уже почти хотел использовать две руки,

прилагая все силы, но Дуаньму Цин оставался неподвижным.

Через некоторое время Дуаньму Цин, не желая утомлять Девятнадцатого, позволил надавить своей руке в его сторону.

Протерев пот с руки Девятнадцатого, Дуаньму Цин с улыбкой сказал:

— Я проиграл.

Он наклонился и слегка поцеловал Девятнадцатого в уголок губ, затем сел на свое место.

Девятнадцатый надулся. Поддаваться так явно — это удар по самооценке! Неудивительно, что он всегда оказывается снизу, его боевые навыки просто не дотягивают! Похоже, нужно больше тренироваться!

Думая о чем-то неопишемом, сердце Девятнадцатого забилось быстрее. С момента его травмы до выздоровления прошло почти два месяца, и Дуаньму Цин даже не прикасался к нему. Даже поцелуи были лишь легкими.

Дуаньму Цин потерял к нему интерес? Вряд ли. Если бы это было так, почему он не нашел кого-то другого? С его положением он мог бы держать кого угодно. Девятнадцатый подумал о другой возможности: а вдруг Дуаньму Цин... больше не может?

Взгляд Девятнадцатого на Дуаньму Цина стал все более странным и подозрительным. Если Дуаньму Цин не может, то он сам мог бы. Это не должно повлиять на качество их жизни.

К тому же в Башне Цинчэн есть врачи, они должны помочь. Если не смогут, всегда есть Хань Лэн, они друзья, и он точно не станет разглашать это!

Девятнадцатый сел на колени Дуаньму Цина и серьезно сказал:

— Хозяин, хотя я не понимаю твоей боли, ты не должен скрывать болезнь. Я всегда буду рядом с тобой.

Дуаньму Цин подумал, что он говорит о Гу Десяти Тысяч Насекомых, и успокоил его:

— Все в порядке, мне совсем не больно, и тебе не нужно понимать мою боль.

Они долго утешали друг друга, но так и не поняли, о чем говорят.

В конце концов Девятнадцатый случайно проговорился, и Дуаньму Цин узнал, о чем он на самом деле думал.

С того дня и до вечера Девятнадцатый глубоко понял, способен ли Дуаньму Цин на это, и пообещал больше никогда не сомневаться в нем.

Шэнь Бэй: Как он посмел выдавать себя за меня и обманывать людей? Он что, не дорожит своей жизнью? Разве Дворец Северного Ковша не имеет лица?

Девятнадцатый: Когда ты приходишь в Башню Цинчэн и просишь столы, ты уже потерял лицо.

Шэнь Бэй: ...

Дуаньму Цин: Девятнадцатый прав во всем!

Шэнь Бэй заранее написал письмо Дуаньму Цину, так что тот знал о его визите и приготовил для него комнату.

<http://bllate.org/book/16706/1535151>